

ЗАПОРОВСКАЯ МЕЛОДИЯ XVII ВѢКА.

=

Вотъ, несется черный воронъ,
Хлопаетъ крыломъ.....
Вотъ взвился надъ темнымъ боромъ,
Гонить птицъ по немъ.

Знать готовится *веселье*
Братьямъ козакамъ,
А тяжелое похмѣлье,
Вѣчный сонъ врагамъ!....

День и ночь мы ждемъ поживы,
Счетъ забыли днямъ.
Знать, Богдана изъ могилы
Не дожждаться намъ!

Мы, когда-то воевали:
Любо вспоминать!....
Мы орлами налетали
Яссы зажигать.

Рѣки красныя пустили
По Литвѣ гулять;
Днѣпръ широкій запрудилъ
Вражеская рать.

Мы на чайкахъ безъ помѣхи
По морю неслись: —
Въ Трапезундѣ на-потѣху
Улицы зажглись.

Въ Трапезундѣ на пирушкѣ
Славно напилсь:
Похмѣлиться-жъ пѣнной кружкой
Въ Спѣчь мы добрались.

Молодова, разгульи́ва
Счастья не забыть,
Славу гордую былова
Въ землю не зарыть!

Сабли ржавѣють, тупятся,
Ружья безъ курковъ: —
Турки все таки боятся
Нашихъ козаковъ!

Николай Щербина.

Харьковъ.

НЕ ПОМЯНИ МЕНЯ ТЫ ЗЛОМЪ.

(Въ Альбомѣ А. Н. Померу.)

Прошло то время — вспомнить больно,
Когда мы жизнью полны
Смелись вечно, невольно,
Какъ двѣ кипучія волны
Въ чужомъ краю, для всехъ чужіе,
Мы породнились межъ собой,
Сдруживъ мечты свои святы
И подышавши тоской,
И на пути къ желанной цѣли
Разочарованные вдругъ,
Мы горе вынести умѣли.
За это свѣтлое когда-то,
Когда я въ сердце жгъ твою,
Любовью искренней богатомъ,
Не помани меня ты зломъ!

Не помогло соединенье
Не долго мы отважно шли,
И поддержать себя въ паденьи
Мы не умѣли, не могли
Мои разрушились мечтанья,
И вотъ свой прежній идеаль

Я безъ раздумья и сознанья
Въ грязи безумно растопталъ!
Тебѣ доставлень новый опытъ....
Ты сердце заковалъ броней,
Приличій свѣта, сердца ровоть
Ты скрылъ въ улыбку медовой....
Но за тяжелое познанье,
Что невозможна жизнь вдвоемъ,
Когда на это есть призванья,
Не помани меня ты зломъ!

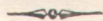
И жилъ я жизнью отдѣльной,
Но жизнь текла какъ смутный сонъ;
Я былъ пустыней безпредѣльной
И безотрадной окружень.
Напрасно иногда въ томленье
Я жаждалъ счастья прошлыхъ дней —
Нѣтъ, не сроднилось смеренье
Съ душою гордою моею....
Такъ иногда струей киаучей
Напрасно ключъ подземный бьетъ,
Въ своей темницѣ оль стзвучій
Въ живой природѣ не вайдетъ.
И такъ за эту грусть разлуки,
За сожалѣнье о быломъ,
За тяжесть безраздѣльной скуки,
Не помани меня ты зломъ!

Я не гонимъ еще судьбою,
Еще мой ясель небосклонъ,
Хоть тучей легкою порою

Онъ и бываетъ потемнень.
Но если грозный день настанеть,
Злой даръ людской неправоты,
Надежда светлая обманеть,
Погибнуть всѣ мои мечты;
И если мой хранитель — геній,
Тотъ, для кого и къмъ живу,
Не приметъ пламенныхъ моленій,
Когда его я призову....
Тогда, гонимый злобной силой,
Къ тебѣ явлюся бѣглецомъ;
Тогда, товарищъ вѣчно милый,
Не помани меня ты зломъ!

Г. П. Лукашевичъ.

Харьковъ.



* * *

Други! томительна жизнь одинокая!....

Не съ къмъ сродниться душой;
Жжетъ ретивое кручина глубокая;
Смотришь на міръ сиротой.

Въ міръ Создателя много прекраснаго,
Много чудеснаго есть:

Тамъ красота неба тихаго, яснаго,
Тамъ и богатство и честь.

Но — сиротинушка — съ кѣмъ любоваться мнѣ
Неба красой! для кого
Въ міръ за славой, богатствомъ гоняться мнѣ? —
По сердцу нѣтъ никого.

Тайна прямого души наслажденія
Съ тайной любви сроднена —
Чару любви или чару забвенія
Дайте мнѣ — вышью до дна! —

Недолинъ.

Харьковъ.

ОТЕЦЪ И ДѢТИ.

РУССКАЯ ЛЕГЕНДА.

=

На травѣ-муравѣ съдой дѣдушка спить: —
По зеленымъ лугамъ чисты волны катить
Иванъ-озеро, сынъ вѣковѣчной Руси.
Не морщины бѣгутъ по челу старика,
Когда въ сердце его заронится тоска: —
То по озеру мутныя волны пошли;
То задумалъ Иванъ, какъ пристроить дѣтей,
Сколько имъ отвести безрубежныхъ полей;
И послалъ, какъ велось, къ сыну Шату пословъ,

Чтобы Шать обождалъ лѣтъ десятокъ, другой,
Пока мочь-богатырь, или разумъ иной

Съ нимъ поладятъ на-вѣкъ и волюбуются въ него, —
И тогда, пусть себѣ, куда хочеть, идетъ,
Сколько хочеть земель во владѣнье беретъ.

Не спросившись отца, Шать — пустая банка
Зажурчалъ, зашипѣлъ, да пустился бѣжать
По полямъ, по степямъ, да раздолья искать:

Долго шастался онъ: воротился ни-съ-чѣмъ.
Понстратилась тамъ сила-мочь у него,
Разумъ былъ коротокъ: — не достало его,

А надѣялся онъ до Аваровъ дойти.
За родныя поля не зашелъ, и назадъ
Воротился къ отцу обезсиленный Шать,

Притаился въ углу, чтобъ не знали его.
Помутилась лазурь на отцовскихъ очахъ
И морщины по лбу повесились въ волнахъ;

Застоналъ будто громъ разъяренный старикъ....
Но пришелъ меньшій сынъ, по прозванію *Донъ*,
И отвѣсилъ отцу со смиреньемъ поклонъ:

Разогналъ онъ печаль на лице старика.
Словно ясный денёкъ заблестала волна,
И бурмитскимъ зерномъ покатила она:

Заглядѣлись въ волну небеса и земля.
— «Будь счастливъ, тихій *Донъ*, куда хочешь иди,
И привольно вездѣ свои волны кати!

Чрезъ тебя сынъ родной, будетъ славень отецъ:
Возьми силы мои, возьми волны мои!...»

— «Не дарю мнѣ, отецъ, чисты волны твои:

На-потѣху врагамъ ты плюнемъ заростень.

Если Богъ наградить меня долей благой:
Тебя стану кормить, мой отецъ дорогой,

Будешь жить — поживать безъ кручины лихой! . . .»

И взвился тихій Донъ
Серебристой змѣей,
По зеленымъ лугамъ
Покатился рѣкой;
Далеко полетѣлъ
Сизокрылымъ орломъ,
И на землю упалъ
Безконечнымъ лучемъ.
Донъ живою водою
Хитрыхъ Грековъ поилъ,
И Хозаровъ лихихъ
Онъ на битвы носилъ;
Подъ ладьями Славянъ
Онъ привѣтно шумѣлъ,
Громки пѣсни свои
Имъ съ гусярами пѣлъ.

Николай Щербина.

Харьковъ.

МЕЛОДІЯ.

=

Не меня мой другъ ласкаетъ,
Не меня цѣлуетъ онъ,
Не по мнѣ всегда вздыхаетъ —
Онъ другой обворожень.

Много слезъ я изсушила
Все по миломъ, по одномъ,
Много радостей забыла
Для него въ краю родномъ.

Мнѣ ли въ очи поглядить онъ —
Ненаглядный — иногда:
Отчего ты, говорить онъ,
Такъ задумчива всегда!

Говорить, а самъ уходитъ
Онъ къ счастливицѣ другой,
Глазъ своихъ съ нея не сводить
Ненаглядный, дорогой.

Да, и правда! какъ въ пустынь
Роза нѣжная, она, —
Я жъ — изсохшая былина —
И печальна и блѣдна!

Грустно, грустно: пусть бы милый
Здѣсь хоть жилъ ужъ для другой,
Нѣтъ, и послѣ, за могилой,
Въ жизни новой, онъ не мой!

Отъ чего не полевою
Я лилей рождена?
Я бъ межъ ландышемъ весною
Красовалася одна.

И счастливица сорвала
Тамъ меня бы со стебля,
Лентой алою связала,
Другу сердца отдала.

И любилъ, и прижималъ бы
Онъ меня къ груди своей,
А порою цѣловалъ бы
Дорогой цвѣтокъ полей.

Въ тишинѣ бъ не помрачила
Дней моихъ нѣмая грусть,
Я бъ завяла, но завяла
Близъ его горячихъ устъ. —

Я. Щоголевъ.

Харьковъ.

— * * * —

Душно; городъ утомленный
Подъ палящимъ зноемъ спить;
Пышетъ камень раскаленный,
И по стогнамъ отдаленнымъ
Пыль удушливо стоитъ;
Въ облакахъ не видно птицы;
Песъ свернулся у воротъ;
Лишь церковей сѣяютъ спицы,
Да предъ пышной колесницей
Гнется бѣдный пѣшеходъ.

Харьковъ.

П. Кленовъ.

* * *

Зачѣмъ краснѣть? и ангельской головкой
Качать сомнительно безъ словъ?
Необмануть меня ребяческой уловкой
Я, признаюсь, — невѣрить вамъ готовъ....
Зачѣмъ краснѣть?...

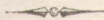
Зачѣмъ вздыхать? съ какой коварной цѣлью?
Завлечь меня тщеславной пользы нѣтъ....
Свою пустынную, незнаемую келью —
Непромѣняю я на вашъ блестящій свѣтъ—
Зачѣмъ вздыхать?

Зачѣмъ играть безтрепетнымъ покоемъ
Того, кто выстрадалъ себѣ души покой,
И горькимъ опытомъ и тяжкимъ сердца зноемъ
И въ тишинѣ мучительной слезой? ..
Зачѣмъ играть?

Зачѣмъ слеза? о, неужель искусство,
Способно вызывать слезу, печаль и стонъ!....
О неужель вамъ непонятно чувство!....
Смотрю на васъ и мыслю удивлень:
Зачѣмъ слеза?

Александръ Чужбинскій.

1841. Харьковъ.



ИЗЪ ГЛѢТЪ.

I.

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА.

=

Кто воротить упоенье
Страсти первой, чувствъ живыхъ,
Кто воротить хотъ мгновенье
Дней веселыхъ, молодыхъ?

Нѣтъ страдальцу облегченья
Безпрерывно, съ сожалѣньемъ
Все тоскую я о нихъ.

Кто воротить упоенье
Дней веселыхъ, молодыхъ?

II.

НОЧНАЯ ПѢСНЬ ПУТИКА.

=

Ты, который съ тѣхъ высотъ
Горестъ всякую смягчаешь,
И несчастныхъ избавляешь
Отъ страданій и заботъ. —

Бѣдъ и радостей волненья
Мой равно тревожатъ путь —
Тихимъ сномъ успокоенья
Дай скорѣ мнѣ заснуть.

А. Кульчицкій.

21 Декабря 1841.

Харьковъ.

МОЛИТВА.

Какъ путникъ усталый и жаждой томимый
Подъ зноемъ, въ пустынь, гонимый судьбой,
Къ тебѣ я, о Боже, Тобою хранимый,
Къ тебѣ припадаю съ послѣдней мольбой:
Не смерти я жажду съ холоднымъ томленьемъ
При дверяхъ могилы, но скорбною душой
Я жажду прощенья грѣхамъ; предъ тобой,
Съ раскаяньемъ въ сердцѣ, съ предсмертнымъ моленьемъ.

М. Майсуровъ.

Харьковъ 1842.

ОТЧАЯНІЕ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Не шуми, не гуди
Непогодушка,
Не играй, не бушуй
Море синее:
Не кручинь молодца
Судьба-мачиха

Нѣтъ, грози мнѣ на-вѣкъ
Злымъ безвременьемъ
Пусть, я буду одинъ,
Одинехопекъ,
Пусть, не любить меня
Красна дѣвица:
Ретивое мое
Словно замерло . . .
Оно — пепель съдой
На пожарищѣ!

Какъ пригнобить морозъ
Больно травушку,
То не стлаться ужъ ей
Въ полѣ бархатомъ:

Какъ поранить судьба
Сердце молодца,
То не цвѣсть ужъ ему
Не оправиться!

Подружусь, сговорюсь
Съ ночью темною,
Буду жить я въ-ладахъ
Съ шумной бурею,
А въ подруги возьму
Мать - дубравушку!.....

Не камкой торговать
И не паволокой,
А кушцовъ разбивать
У Новáгорода:
Средь бѣла дня мнѣ спать
Богатырскимъ сномъ,
Въ темной ночи гулять
Вихремъ - бурею!.....

Какъ пригнобить морозъ
Больно травушку,
То не стлаться ужъ ей
Въ поле бархатомъ:
Какъ поранить судьба
Сердце молодца.
То не цвѣсть ужъ ему,
Не оправиться!

Николай Щербина.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ

ЗАПИСОКЪ.

Бриссель. — Амстердамъ.

28 Июня 1839 года Прїѣхавъ въ Бриссель, прежде всего осмотрѣлъ физическій кабинетъ. Очень примѣчательнъ, хотя и молодъ: заведенъ не больше пяти-шести лѣтъ, и пристыжаетъ многихъ старшихъ своихъ братьевъ. Инструменты и машины расположены здѣсь въ историческомъ порядкѣ, начиная отъ изобрѣтенія, по всѣмъ степенямъ развитія, до настоящаго усовершенствованія. Обыкновенно кабинеты располагаются по предметамъ, т. е. въ одномъ углу увидишь снаряды электрическіе, въ другомъ — пневматическіе и т. д. У насъ по большей части машины навалены безъ всякаго порядка, смотря по удобности чисто физической, какъ въ иныхъ ученыхъ каталогахъ книги расположены по форматамъ, или — сравню, чтобъ утѣшить тѣнь славнаго нашего систематика Павлова, неоцѣннаго по достоинству, — какъ предметы въ физикахъ. Посѣтитель, войдя въ такой кабинетъ, не можетъ получить никакого понятія яснаго, общаго, полнаго, — а здѣсь вся жизнь науки передъ вами, жизнь живая, дѣятельная, не буквенная, не скелетная. — Съ другой стороны какъ пріятно видѣть рядомъ всѣ эти

орудія, посредствомъ коихъ человекъ пытается въ теченіи вѣковъ исторгнуть тайну природы! Или сравнить первыя орудія съ настоящими: сколько въ нихъ лишняго, затруднительнаго! И какъ эта сложность постепенно простѣетъ, орудія приближаются болѣе и болѣе къ цѣли, сокращаются.

Все остроуміе, вся проникаемость человѣческаго ума, его ходъ и движеніе, являются во всемъ своемъ величій. Вотъ въ какомъ кабинетѣ должно читать Исторію Физики, и вотъ гдѣ она можетъ быть усвоена молодымъ человекомъ на всю его жизнь. Бриссельской кабинетъ бѣденъ, и имѣетъ очень много пропусковъ, но чтоже вы хотите болѣе отъ такого губернскаго государства, какъ Бельгія, и притомъ въ такое короткое время? Я нарочно познакомился съ смотрителемъ и просилъ его доставить мнѣ каталогъ, если бѣ кто у насъ захотѣлъ устроить у себя кабинетъ въ такомъ порядкѣ.

Увидя, что идетъ дождь, Смотритель пригласилъ насъ очень учтиво зайти къ нему въ комнату. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ поговорить объ отношеніяхъ Бельгіи къ Голландіи. Одна изъ главныхъ причинъ отторженія, сказалъ онъ, — требованіе Короля, чтобъ мы въ судопроизводствѣ употребляли языкъ Голландскій.

Движеніе языковъ — примѣчательное явленіе нашего времени. И Фламандцы хотятъ говорить своимъ языкомъ, писать на своемъ языкѣ! Послушайте, какъ неистовствуютъ Венгерцы за свой! Съ какимъ усиліемъ по всемъ угламъ Европы Славяне издають свои звуки. Даже Болгаре въ Турціи, даже Русины въ Галиціи, заводятъ литературу. Счастіе и несчастіе, благопріятныя обстоятельства и не-

благопріятныя, здѣсь не значать почти ничего, первое движеніе не извинѣ. Одни мы остаемся при Французскомъ языкѣ въ нашихъ гостиныхъ, и стыдимся больше не знать его, нежели по Русски. Я былъ теперь во всѣхъ странахъ Европы—и не слыхалъ ни одного Англичанина, который говорилъ бы не по Англійски, ни одного Итальянца, который говорилъ бы не по Италіански, ни одного Француза, который говорилъ бы не по Французски. Кровь приливала у меня въ голову, когда я вспомнилъ о нашемъ высшемъ обществѣ съ его мастерскимъ Французскимъ языкомъ.

Смотритель, ревностный Бельгіецъ, хвалился промышленностію и трудолюбіемъ своихъ соотечественниковъ: желѣзныя дороги пересѣкаютъ теперь Бельгію во всѣхъ направленіяхъ, отъ Брисселя до Антверпена, Гента, Литтиха; въ нѣсколько часовъ можете вы теперь объѣхать все Королевство. Онъ взманилъ было меня слетать въ Литтихъ и взглянуть на тамошнія фабрики-мануфактурныя Царства, и не достаетъ времени: надо спѣшить на воды.

Картинная галлерей очень бѣдна. Прогулялись по прекрасному саду между дворцомъ и Палатою. Этотъ садъ, внутри всего города, чуть ли не самый удобный по своему положенію для публики изъ всѣхъ Столичныхъ садовъ.

Заглянулъ въ соборъ.

Зала палатъ очень проста и такъ маля, что и кричать, кажется, ненужно, (а кричать). Прекрасная дѣвушка водила насъ по всѣмъ комнатамъ. Это—контора, въ родѣ Шереметевской или Голицинской, а пріятно пройтись!

Проводникъ повелъ насъ потомъ въ палаты Графа... забылъ имя. Много примѣчательныхъ картинъ, но смотри-

тель хвастался особенно своимъ великолѣпнымъ манежемъ, зовя насъ туда безпрестанно, и очень удивился, услышавъ о томъ, что я не хочу видѣть его.

Всего занимательнѣе было для меня въ Брисселѣ книжное производство, и я отправился, выпивъ дорогой чашку шоколаду за какую-то бездѣлицу, по книжнымъ лавкамъ. Здѣсь перепечатываютъ все; не успѣеть выйти изъ типографскаго станка какая нибудь любопытная книга въ Парижѣ, какъ сдѣсь она является во всѣхъ форматахъ, и разсыпается во всѣ концы земнаго шара, — въ накладъ французскимъ книгопродавцамъ и авторамъ, которые лишаются покупателей въ чужихъ краяхъ въ барышъ Бельгійскимъ, и всему образованному міру Европы, Азіи и Америки, всему человѣчеству (NB. поколику книги полезны и на оборотъ), потому что Бельгійскія изданія продаются дешевле вдвое и втрое. Французское правительство старается теперь воспрепятствовать этому торгу. Всего удобнѣе, кажется, наложить извѣстную таксу, хотя малую, на каждый экземпляръ Бельгійскаго перепечатыванія въ пользу французскихъ хозяевъ подлинниковъ. Предметъ для будущихъ Европейскихъ конгрессовъ, которые будутъ разсуждать о дѣлахъ не столько кровавыхъ, о какихъ они разсуждали доселѣ. Бельгійцы перепечатываютъ теперь всѣ нѣмецкія классическія сочиненія, Англійскія и Италіанскія. Эта промышленность распространяется со всякимъ годомъ болѣе и болѣе. Выходитъ особенный Библіографическій журналъ, извѣщающій еженедѣльно о всѣхъ новыхъ изданіяхъ, т. е. о всѣхъ новыхъ воровствахъ. Я прицѣнялся — дешевизна невѣроятная, что касается до новыхъ сочиненій, (старыя дешевле въ Парижѣ), ибо Бель-

гійскіе книгопродавцы избавлены отъ многихъ расходовъ французскихъ, даже кромѣ платы за рукописи сочинителямъ. Тьері, за котораго мы платимъ въ Москвѣ около 60 руб. (in 8); стоитъ здѣсь съ небольшимъ 8. Гизо столько же. Я увѣренъ впрочемъ, что можно продавать еще дешевле, судя по французскимъ изданіямъ старыхъ классиковъ, стоящихъ менѣе 6 р. за огромный томъ, на лучшей бумагѣ, четкой печати. Такимъ образомъ скоро не одни богачи, но и люди средняго состоянія получаютъ возможность имѣть избранную библіотеку, на всѣхъ языкахъ, со всѣми главными произведеніями ума человѣческаго. Каково это? Не правда-ли, что можно пожелать успѣха Бельгійскимъ промышленникамъ: и закричать имъ *vivant!* хоть и французовъ грѣшно грабить безъ малѣйшаго вознагражденія. Вошелъ въ негоціацію съ однимъ изъ первыхъ книгопродавцевъ — на случай заведенія книжной лавки въ Москвѣ, и просилъ его доставить типографскіе расчеты, еслибъ вздумалось мнѣ печатать русскія книги въ Брюссель.

Очень хотѣлось взглянуть хоть издали на Лелевеля, котораго характеръ я старался долго объяснить себѣ въ 1830 г., но не удалось.

Смотрѣть больше въ Бриссель нечего, и мы взяли билеты до Антверпена, по желѣзной дорогѣ. Паровозы отправляются въ четыре часа, и мы, заплатя хозяину по его счету, довольно аптекарскому, пошли къ мѣсту отъѣзда. При входѣ надо-бы вывѣшивать для путешественниковъ подробныя объявленія и наставленія, къ кому, гдѣ и за чѣмъ имъ обращаться должно, такъ чтобы они не имѣли нужды спрашивать, и поводу беспокоиться, сомнѣ-

ваться, недоумѣвать, напр. «сдѣсь принимаются вещи для отправленія на паровозъ туда-то. Этотъ паровозъ или дилижансъ отправляется въ такомъ-то часу. Пассажиры приглашаются садиться». Безъ этаго путешественникъ проводитъ всегда нѣсколько непріятныхъ минутъ, опасаясь, тому-ли служителю отдать вещи, который отвѣчаетъ за ихъ сохранность; близъ того-ли дилижансъ стоитъ, который отправляется; даже туда-ли ѣдетъ.

Комнаты на паровозахъ прелесть: настоящіе будуары, съ мягкими диванами, подушками, зеркалами. Можете читать, кушать, почивать. Какое покойное и пріятное путешествіе. Вы несетесь какъ на коврикѣ-самолетѣ. Дорога мчится по одному безконечному саду, мимо тучныхъ пажитей и плодоносныхъ полей; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устьяна въ самомъ дѣлѣ цвѣтами по сторонамъ. Торжество рускомъ-сленнаго духа.

Въ 2 часа домчались мы до Антверпена. Извозчики осыпали насъ у конца дороги для перевоза вещей. Шумъ, суета, толкотня, и я совершенно растерялся. Надо бы таксу за перевозъ вещей до города.

Вотъ онъ знаменитый *Антверпенъ*, страшилище Англіи, котораго Наполеонъ считалъ лучшимъ алмазомъ въ своей коронѣ, на котораго положили миллионы, за который могъ будто удержать за собою Державу, даже послѣ того, какъ Союзники переправились чрезъ Рейнъ.

Послѣ обѣда, очень хорошаго за 3 франка, поспѣшили въ соборъ, — одинъ изъ самыхъ огромныхъ въ Европѣ. Намъ хотѣлось до сумерокъ рассмотреть знаменитое Рубенсово снятіе со креста. Вѣрный своему правилу бросать прежде всего высшій взглядъ на высокій городъ съ

колокольни, чтобъ познакомиться съ нимъ скорѣе и короче, я взобрался по камнямъ и бревнамъ на самую высокую террасу: колокольня теперь поправляется. Прекрасный, обширный видъ.

Оглядели снаружи ратушу, которая играла здѣсь, какъ и во всѣхъ главныхъ городахъ среднихъ вѣковъ, такую важную роль. Прошлись по улицамъ, и взяли билетъ въ дилижансъ, который отправляется въ четыре часа утра въ Амстердамъ.

29. Расплатясь, явился къ дилижансу прежде всѣхъ, но вскорѣ подошелъ къ намъ еще пассажиръ, кажется изъ здѣшнихъ, завелъ съ нами разговоръ, и удивился, что мы, путешественники, не остановились дня въ Антверпенѣ. Напрасно я оправдывался неимѣніемъ времени. «За чѣмъ же пріѣзжали, твердилъ онъ даже съ сердцемъ. Ступайте посмотреть хоть гавань, у васъ есть еще полчаса времени.» Мы исполнили его патріотическое требованіе и взглянули на этотъ геніальный памятникъ, который съ Симплонской дороги стоитъ почти на одной линіи по двумъ противоположнымъ сторонамъ Европы, и гремитъ неумолчно славу Наполеонову.

Пассажировъ было очень много, и всѣ прелюбопытные: Бельгіецъ, Голландецъ, Французъ, два Американца изъ самыхъ внутреннихъ провинцій, Неаполитанецъ, жившій долго въ Марокко. Мы размѣстились въ нѣсколькихъ экипажахъ.

Земля отъ Антверпена до Утрехта кажется самою неблагодарною. Подъ мелкимъ дождемъ, на паромъ, перѣехали мы Рейнь. На границѣ между чиновниками попался Русской Нѣмецъ, который тотчасъ оборотился ко мнѣ съ знакомъ искренней радости и принялъ подъ свое покро-

вительство. Къ нашимъ вещамъ почти не прикасались, и мы были очень рады такой протекціи.

Передъ Утрехтомъ нѣсколько прелестныхъ дачъ. Мы проголодались жестоко, — за то какъ принялись въ Утрехтѣ за телятину, которая стояла на столѣ огромною высокою колонною, въ родѣ калбасы! Хозяйка Голландка начала одѣлять насъ, и срѣзывала по тонкому круглому листику, но лишь только она отошла отъ нея, чтобъ выдать водку прочимъ гостямъ, какъ мои Американцы принялись сами урѣзывать по своему, мы подвернулись также, и колонна стала быстро понижаться. Надо было видѣть съ какимъ сердитымъ видомъ воротилась флегматическая Голландка, и вырвала... ужъ только пьедесталь изъ рукъ алчныхъ ѣдоковъ. Ворчанье выражалось въ движеніяхъ ея губъ и щекъ. А что за телятина — чудо! Отъ роду не ѣдалъ нигдѣ такой. Вкусъ совершенно особенный. Водка здѣшняя славится также. Сыръ *настоящій Голландской*. Жаль, что намъ не дали болѣе времени, а то мы только что заморили червяка, какъ говорятъ у насъ старички-гастрономы. Нечего уже было думать объ осмотрѣ города.

Дилижансъ мчался. Мы подружился съ Антверпенскимъ нашимъ знакомцемъ, который обѣщался принять насъ подъ свое покровительство въ Амстердамъ. Всю дорогу проговорили мы о желѣзныхъ дорогахъ, о торговлѣ и богатствѣ Голландіи. Онъ очень приверженъ къ Россіи. «Кредитъ Россіи,» сказалъ онъ, «неограниченъ. Пусть скажетъ напримѣръ вашъ Государь, что ему нужно 500,000,000 р. на учрежденіе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, и въ недѣлю эта сумма соберется на биржѣ. О, съ Россіей пріятно

теперь имѣть дѣло! Это исправный платильщикъ; но давно какъ-то задержались проценты. Что же? чрезъ самое короткое время, котораго и считать нечего, русскій коммиссіонеръ заплатилъ сполна и за просрочку. Капиталы голландскіе нѣсколько поколеблены вслѣдствіе бельгійскихъ происшествій, но денегъ въ Голландіи еще много.»

Чѣмъ ближе приближались мы къ Амстердаму, тѣмъ дорога становилась пріятнѣе. Мы ѣхали по одному длинному безпрерывному саду, между каналами, между цвѣтниками, по лугамъ, среди богатыхъ мызъ, которыя тянутся одна за другую вплоть до самаго Амстердама. Что за прелестные домики, одинъ другаго лучше! Это довольство, это трудолюбіе, разнообразіе, эта чистота, изящная простота — обворожительны. Какая-то утопическая страна снаружи. Наслажденіе проѣхать по ней. Думалъ о впечатлѣніяхъ, какія Голландія должна была произвести въ умъ Петра Великаго. Намъ надо изучать ее, чтобъ выразумѣть яснѣе многія преобразованія Петровы. — Петербургъ есть сынъ Голландіи. Въ 8 часу, уже поздно вечеромъ, пріѣхали мы въ Амстердамъ, и Бельгіецъ отвелъ насъ въ гостиницу Лондонскаго Герба. Шумъ и давка по улицамъ....

30. Погода ненастная и холодная. Мнѣ хотѣлось видѣть прежде всего *Саандамъ*. Отправились на параходъ, но слугитель перевралъ время отъѣзда, и мы опоздали. Поѣхали по заливу на баркѣ, приводимой въ движеніе лошадыю, которая ходитъ внутри. Барка довезла насъ до канавы, на коей Харонъ принялъ въ длинную лодку со внутреннею, хорошо убранною залой, и повезъ до деревни, гдѣ мы должны были нанять коляску. Этого-то и хотѣлось

плуту лакею, который нарочно привелъ насъ въ это по-
ложеніе.

Пока запрягали лошадей, мы осмотрѣли кухню съ гол-
ландскими печами, прародительницами нашихъ.

Бѣды до Саандама часа два. Дорога узенькая, такъ что
нельзя, кажется, развѣхаться двумъ экипажамъ. Сколько
вездѣ прокопано и насыпано! Вокругъ болота, канавы,
плотины, вездѣ вода,—иногда страхъ беретъ, ну какъ
вдругъ наводненіе; боишься даже вѣтру, который можетъ
снести легкій экипажъ.

Пріѣхали. Проводникъ повелъ насъ по длиннымъ искри-
вленнымъ улицамъ. Есть домики красивые и изукрашен-
ные, но русская деревня, хорошо отстроенная, имѣетъ
видъ гораздо лучше. Строеніе здѣсь чаще нашего, и отъ
огня можно спастись развѣ только въ воду. Мы поворачи-
вали нѣсколько разъ. Я заглядывалъ на дворики; въ
окна присматривался къ голландскимъ неподвижнымъ фи-
зіогноміямъ, и думалъ о народныхъ характерахъ, какъ
вдругъ проводникъ мой воскликнулъ: *ну вотъ домикъ ва-
шего Петра Перваго!*.... Сердце у меня сжалось,
слезы навернулись на глазахъ; едва переводя дыханіе,
отворилъ я калитку.

Домикъ низенькій, обшитъ досками, склоняется на сто-
рону. Два большія окна съ часто-переплетенными рамами:
маленькія стеклышки. Между окнами дверь.

Съ трепещущимъ сердцемъ перешагнулъ я черезъ по-
рогъ, и долго не могъ опомниться. Подъ потолкомъ три
перекладины, двѣ потолце, одна потонѣе. Направо из-
разцовая печка между двумя пестрыми столбиками. Полъ

покачнулся. Передъ дверью дубовый столъ, длинный и узкій, три стула треугольниками. Налѣво, въ дощатой перегородкѣ, впадина ящикомъ, гдѣ стояла Его кровать. Перегородка вся исписана.

Другая комната рабочая, съ низенькой дверью и двумя окнами; направо поставка съ полками и лѣстница на чердакъ. На стѣнѣ виситъ большой портретъ. Петръ сидитъ въ полукафтаньи. Шейный платокъ малиновый съ кистями. Камзолъ бѣлый. Въ рукѣ циркуль. Исподнее платье завязано у коленъ. Въ сѣрыхъ чулкахъ и башмакахъ. На столѣ рюмка съ водою, готовальня, ножикъ, и картинка, изображающая корабль; на полу лежитъ щяпа, распечатанное письмо, ландкарта, модель, долото, кувшинъ.

Вотъ гдѣ жилъ и работалъ нашъ Петръ. Вотъ гдѣ онъ думалъ и мечталъ объ Россіи! Какъ онъ былъ здѣсь чистъ и высокъ!

Мнѣ подали книгу путешественниковъ, и я написалъ, не помню что, долго переходилъ изъ одной комнатки въ другую, останавливался на всякомъ шагу, какъ проводникъ замѣтилъ мнѣ, что пора собираться въ Амстердамъ. Поклонился въ землю Великому, и оставилъ Его святилище съ полнымъ сердцемъ.

Мы обошли деревню по всемъ переулкамъ. Вокругъ тучныя пастбища, по конямъ пасутся рослые, дородныя коровы. Воображалъ прогулки Петровы. Заглянули въ церковь, гдѣ на стѣнахъ изображены происшествія изъ религіозной войны.

На возвратномъ пути зашелъ у насъ съ проводникомъ

разговоръ о Бельгійцахъ, на которыхъ онъ очень сердитъ: мы обогатили ихъ, а они вотъ какъ поступили съ нами! Въ самомъ дѣлѣ—и голландское Правительство, и частные люди положили множество капиталовъ на разныя заведенія въ Бельгін. Каково же было имъ перенести такую неблагодарность, не говоря о разстройствѣ во всѣхъ предпріятіяхъ!

Какъ ни спѣшили мы, а не успѣли къ отправленію знакомой нашей барки. Надобно было пуститься въ простой лодкѣ,

По грозной прихоти обманчивыхъ морей.

Лодочникъ, въ родѣ морскаго звѣря, говорилъ съ увѣренностію о безопасности плаванія, проводникъ подтвердилъ его обѣщаніе, и мы колебались недолго. Переездъ продолжался съ полчаса. Однако жъ мы, сухопутное племя, были очень рады, какъ ступили на землю.

Осмотрѣли дворецъ, бывшій сначала ратушею. Множество мрамору, на который впрочемъ смотрѣть не хотѣлось. Всего любопытнѣе для насъ былъ прекрасный видъ съ бельведера—весь городъ и море передъ глазами. Ужасный вѣтеръ мѣшалъ удовольствію.

Зашли въ соборъ черезъ пасторскія или кистерскія комнаты. Здѣсь погребенъ знаменитый Рюйтеръ.

Пообѣдавъ и отдохнувъ, обошли городъ по лучшимъ улицамъ, мостамъ и аллеямъ. Вездѣ примѣтно богатство, степенное и скромное, которое не ищетъ выказываться. Въ городъ нынче особенное движеніе, вслѣдствіе ожиданія знаменитыхъ гостей, покровителей и благодѣтелей Голландіи, открывшихъ ей одинъ изъ самыхъ главныхъ источниковъ богатства и даже славы.... я говорю о сель-

дахъ. Нынче или завтра должны они прибыть въ Амстердамъ не изъ моря, а съ моря, съѣзепросольные. Въ съѣстныхъ и овощныхъ лавки украшены зеленью; на каждомъ шагу видишь прекрасную миртовую бесѣдку; вездѣ развѣшены фестоны и гирлянды, между которыми блистаютъ золотые листья и въ срединѣ трепещетъ серебряный сельдь. Лавочники съ какимъ-то особымъ торжествомъ и гордостію похаживаютъ передъ своими лавками, улыбаются, изъясняютъ нетерпѣніе и посматриваютъ все въ одну сторону. Безпрестанно слышатся вопросы: скоро ли?

Первые сельди продавались прежде по червонцу, (какъ у насъ огурцы раннею весною), а нынѣ по рублю серебромъ. Шесть недѣль ѣдятъ ихъ богачи, на другія шесть недѣль переходятъ они съ среднему состоянію, а въ остальное время года предоставляются народу. Цѣна сельдей отъ червонца упадетъ со всякимъ днемъ ниже и ниже.

Лишь только воротились мы домой, какъ зашелъ ко мнѣ Бельгіецъ и пригласилъ прогуляться вмѣстѣ. Хотя я очень усталъ, но, надѣясь услышать отъ него много любопытнаго, согласился.

Онъ показалъ мнѣ гавань, плотины и бассейны, потомъ огромные и многочисленные амбары для товаровъ. Бельгіецъ мой любитъ Голландію, и терпѣть не можетъ Англичанъ, которыхъ считаетъ главными виновниками отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Да, я слышалъ здѣсь другую Исторію, нежели какую читалъ въ журналахъ. Въ новомъ времени также мудрено, (или даже мудренѣе) добраться истины, какъ и въ древнемъ.

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!

Прошлись по жидавскому кварталу. Вотъ сумятица-то!

Замѣтилъ кое-что на улицахъ, что не худо бы ввести и у насъ; на примѣръ, лошади въ кузницахъ устанавливаются здѣсь такъ, что не могутъ брыкать и ушибить, а съ нашихъ бѣдныхъ кузнецовъ все еще не сходятъ синія пятна изъ подъ глазъ. Не худо бы также перенять фонари при экипажахъ со свѣтомъ не только на улицу, но и внутри самихъ экипажей.

Какъ бываетъ мнѣ досадно подъ часъ, что принужденъ сгнѣшить. Сколько бъ узналъ я важнаго во всѣхъ отношеніяхъ, если бъ могъ оставаться даже по одному дню лишнему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Юля I. Въ нижнемъ этажѣ нашей гостиницы оказалась вода. Съ непривычки намъ представилось уже наводненіе. Что это значить, спросилъ я хозяина. Ничего, отвѣчалъ онъ флегматически, смотритель вѣрно забылъ открыть шлюзы.

Рѣшили нанять коляску, потому что пышкомъ нельзя поспѣть вездѣ. Цѣлый часъ лон-лакей искалъ намъ извозчика: вотъ какъ они здѣсь рѣдки!

Сельдей еще нѣтъ. Вездѣ слышатся толки, отчего они опоздали.

Осмотрѣли здѣшнія знаменитыя мельницы для шлифованія алмазовъ.

Далѣе рабочій домъ. Все просто и опрятно. Вездѣ порядокъ. Тысячи человѣкъ получаютъ здѣсь пропитаніе честною работою.

Сельди пріѣхали. Зашумѣли всѣ улицы, забѣгаль народъ, вездѣ пестрятъ разноцвѣтные флаги, вездѣ развѣваются торжественныя знамена. Праздникъ,— да и только.

Богачи рассылаютъ сельдей съ эстафетами въ гостинецъ

къ своимъ знакомымъ по всемъ близкимъ городамъ, даже въ Франкфуртъ, Гамбургъ, Парижъ.

Купилъ кусокъ полотна въ одномъ магазинѣ, помѣщенномъ въ нижнемъ этажѣ надъ землею, по рекомендаціи Бельгійца. Такое безмолвіе, какъ въ библіотекѣ. Одинъ старикъ прочиталъ фактуру на куски; другой въ сосѣдней комнатѣ отыскалъ цѣну въ книгѣ. Вотъ и все.

Разочлисъ въ гостинницѣ. Довольно дорого; и въ этомъ отношеніи Голландія занимаетъ второе мѣсто послѣ Англіи.

Мнѣ было очень жаль, что не могъ проститься съ Бельгійцемъ, котораго имени даже не узналъ.

Отправились въ дилижансѣ, и черезъ часъ, проѣхавъ по прекраснымъ аллеямъ, между щегольскими мызами, были мы уже въ Гарлемѣ.

М. Погдинъ.